

Марина СЕРОВА

САМЫЙ УСПЕШНЫЙ ПРОЕКТ ГОДА

*Между нами,
девочками*

ЧАСТНЫЙ
ДЕТЕКТИВ
И ТАТЬЯНА
СЕРОВА

SD

Марина С. Серова
Драконы на холмах
Серия «Частный детектив
Татьяна Иванова»

Текст предоставлен издательством «Эксмо»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=167024

Между нами, девочками; Драконы на холмах: Повести: Эксмо; М.;

2005

ISBN 5-699-10784-3

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	22
Глава 3	38
Конец ознакомительного фрагмента.	43

Марина Серова

Драконы на холмах

Посвящаю Джозефу Ши, американскому писателю.

Автор

Глава 1

ГЛУБОКИЙ ПОЛЕТ

Звонок у меня в дверях отвратительный. Зудит, как соседский Витюня, клянчущий у мамки шоколадку. Но эта моя дверная дребезжалка имеет одно полезное свойство: выведет из каких угодно далей.

Я как раз и пребывала в состоянии, максимально приближенном к оргазму: пятая «а» ступень медитации по Губенко-Рамачараке – это вам не аутогенная тренировка и даже не Жарр после двух-трех бокалов... м-м-м... чаю. Так вот, мой трепетный полет только-только начал приближаться к высшей точке, когда чья-то рука (крапивой бы ее!) нажала темно-коричневую кнопку.

Медитирую я нерегулярно и где придется. Но больше всего устраивает меня мой давний четвероногий друг – диван. Вот с него-то я и сползла, чтобы подойти к двери.

Замечательная у меня дверь – в отличие от звонка. То есть дверь-то обыкновенная, но моя и соседская квартиры отделены от общего коридорчика металлической переборкой. Поэтому если приоткрыть внутреннюю дверь, то без всякого домофона (и почти без риска внезапно получить в свое биологическое тело что-нибудь острое и металлическое) можно поинтересоваться, кого черт принес – ну или кто пожаловал, если угодно.

– Кто?

– Игорь Исаев.

– А, Игорь! Сейчас.

Он всегда так: с фамилией. Мало ли, говорит, на свете Игорей.

Ну, этого крапивой сечь не буду. Питаю слабость к добру молодцу.

Я привычно крутанула сразу оба замка, и добрый молодец с улыбкой шагнул мне навстречу.

– Заползай.

– Спасибо.

Мы прошли в прихожую, Игорь принялся разуваться. Не слишком интеллигентно, но хозяйка я ленивая, и лишний раз протереть пол – не очень-то мне по душе.

– Чаю выпьем или ты с собой принес?

– Чай, чай.

Пока он менял свои здоровенные – сорок шестой! – сапоги на дежурные тапки, я успела заметить, что Игорь пре-

бывает во второй стадии бородатости. Ему, понимаете, лень ухаживать за своей растительностью регулярно, поэтому после стрижки (стадия номер один) он ждет, когда естественные процессы его могучего мужского организма доведут бороду до второй, кудрявой (и нравящейся мне гораздо больше), стадии. Пробовала уломать его держаться все время в стадии номер два, но он заявил, что половине его женщин короткая бородка нравится больше. Вот змееныш!

Между прочим, общие знакомые почему-то на сто процентов уверены, что мы с ним живем уже долго и счастливо. А мы целовались-то всего один раз, и то два... нет, полтора года назад в той самой компании, где познакомились.

На кухне мы уселись за стол друг напротив друга и под шорох чайника на плите стали общаться.

– Я тебя не отвлек?

– Не спрашивай, а то укушу! – противным голосом заметила я. А еще я заметила, что доброго молодца явно снедает какая-то грусть-тоска. – Ты чего невесел, чего голову повесил?

– Танюша, у тебя как со временем? В двух словах не изложу... – Игорь, горестно прищурившись, взглянул на меня, отбросил со лба пятерней русую челку и вздохнул.

– Валяй, чего уж там, – соизволила я.

И он выдал. Эх, он и выдал!

Я, как известно, не чужда эзотерики, фантастику почитываю иногда, гороскопами в юности подрабатывала. Но тако-

го... Короче, вот что он мне рассказал.

Сидит это он вчера в их Всероссийском научно-исследовательском, гоняет свой «Омниграф». Они там вообще-то жутко секретные, но весь город знает, что в Игорешкиной конторе очень интересуются всякими электромагнитными волнами. Один крендель оттуда лет пять назад даже собирался организовать лабораторию биоэлектричества, но тут грянули финансовые морозы, бюджетные реки сковало на смерть, и крендель благополучно свалил в ветеринарию и теперь лечит кошечек и собак...

Так вот, «Омниграф» они сотворили с Женькой Тимофеевым. Судя по Игоревым рассказам, один паял, другой думал. Нет, они оба умели и то и другое, просто у Игоря думать – особенно о возвышенном – получалось куда лучше, чем схемы отлаживать. А у Евгения, да будет ему пухом земля, руки были просто бриллиантовые.

Этот их ВНИИ зорко глядит своими тарелками в небо, внимательно следя, не крадутся ли на чуждых тарелках коварные гуманоиды. Ну и заодно – не замышляют ли чего супротив разлюбезного Отечества бывшие вероятные противники.

Если вы спросите, чем «Омниграф» отличается, к примеру, от электрокардиографа, то я смело отвечу: кардиограф гораздо меньше. Я к Игорю в лабораторию заживала раньше... Да, больше года уже прошло. Секретность, как и все нынче, пошла на спад. Видеокамеры на стенах вестибюля у

них в институте смотрят сотни тысяч сны под слоем пыли и паутины. Вахтершу Игорь при случае спрашивал о внуках, вахтеру я улыбалась и встряхивала тогда еще косою. Так что «Омниграф» я видела не единожды. Несколько ящиков (даже местами, кажется, деревянных), множество проводов, осциллографы и гордость тайваньского филиала корпорации IBM – «Pentium Pro-200» с семнадцатидюймовым монитором и жутким количеством «мозгов». Все это вместе и есть «Омниграф».

Уникальность прибора в том, что он принимает всякие волны одновременно в очень широком диапазоне (если я правильно поняла Игоря), а потом «мета-индуцированный мультиплексор выдает интегрированный по динамической доминанте сигнал, который обрабатывается в реальном времени программно-аппаратным комплексом „Голос Неба“» (это фразочка из Игоревой статьи – подарил с автографом. Гордится он такими вещами, дурачочек. Дитя малое, а еще с бородой...).

Теперь о Жене. Этот сутуловатый и уже здорово полысевший брюнет с осиной талией и глубокими карими глазами учился с Игорем в одной школе, а потом они кружили каждый сам по себе, но однажды встретились в этом самом НИИ. И работали несколько лет в одной лаборатории...

А месяц назад Евгений умер от лейкоза. Впрочем, в диагнозе доктора так и сомневались до самой его смерти. Стогрел мужик, как свечечка в церкви. Игорь от него не вылезал

– эти два холостяка-разведенных были неразлучны. Я тоже заходила. Смуглый Женька стал белым, как бумага для ксеркса. Не терял сознания до конца и все говорил, говорил о своей науке...

А перед самым уходом сказал Игорю: «Слушай, они ведь меня убили...» – «Кто?» – «Да зверье это узкоглазое... Седой все по плечу хлопал и твердил, что сверху мне будет многое видней...» – «Женя, отдохни...» – «ТАМ отдохну... Ты сам-то осторожней, Игореха. И не забудь... Это они...»

Умирал Женька быстро и странно. Простые врачи и матерые доценты одинаково тарасились на его анализы, ничего не понимая. Больной таял ровными-ровными ступеньками. И температура, и гемоглобин, и давление – все снижалось, словно по графику.

Через несколько дней Женин график прервался.

А вчера Игорь засиделся на работе часов до семи – поздно запустил подпрограмму «обратной фильтрации ФШВ» – Фонового Шума Вселенной. В институте оставались, кроме него и вахтера, одни тараканы, а Игорь все пытался забыться в работе и одновременно довести до ума их с Женей общее дело.

Мой несчастный знакомый набирал, коротая время, какой-то отчет, увлекся и даже вздрогнул от щелчка таймера. Тут бы Игорю и выключить свой агрегат да свалить в спортзал на тренировку – «залить печаль соленым потом», как он выражается. Но почему-то ему захотелось быстренько про-

смотреть, чего там ему насчитал компьютер.

Компьютер выдал самый банальный экран. Однако нашего исследователя и это не удовлетворило, и он решил просмотреть график «огибающей Тимофеева». Красный курсор шустро бежал по зеленой линии, но в самом конце графика пискнул и остановился.

Исаев, как его герой-однофамилец из анекдота, насторожился. Дело в том, что программой ни остановка, ни мышинный писк курсора не предусмотрены. Сбоят «винды»? Вчера только поставил, пашут как зверь – на таком-то «железе»!

Игорь перезапустил экспресс-отчет, и все повторилось. Просмотрю-ка сам кривую, решил пытливый исследователь. Увеличил масштаб – ничего выдающегося: обычные пики и спады. А если поиграть разверткой? Так... так... Чепуха, все нормально. Может, уменьшить шаг шкалы времени? Сейчас...

И вот тут Игоря будто накрыло жаркой волной.

Во весь семнадцатидюймовый экран ленивой рекой изогнулась строчка изломанных высокочастотной составляющей букв:

«ИГОРЬ, ЭТО ОНИ».

В этом месте рассказа моего гостя мне пришлось срочно вспоминать, что мой первый Наставник говорил о пси-зеркалах и как учил их использовать в экстренных случаях. После недавней глубокой – или высокой, как хотите, – медитации я так и не удосужилась войти в свое обычное походно-боевое

состояние и выбросить хотя бы парочку «ближних дозоров». Потому и прозевала такой выплеск Игоревых ужаса, что на мгновение возник спонтанный эмпагопсихосинтез и я глазами Игоря ясно увидела, как на черном экране запульсировала желтая кривая. И даже вроде бы в такт ее пульсу зазвенел ма-а-ленький колокольчик: динь-дон-н... динь-дон-н...

Но вслушиваться было нельзя: может затащить в подкорку к тому, с кем ты вот так неожиданно «сливаешься», а оттуда уже выбраться трудов стоит... если вообще выберешься. Ну, Танюха, раз-два!

«Зеркало»... Отсекаем Игореву волну, заодно отраженной энергией гасим и его бурю...

«Вихрь»... Продуваем свое сознание и «подвалы», если что просочилось...

«Свет»... На «выше среднего» врубаем соображалку...

...и «Пирамида». Состояние сверхстойчивости и почти полной неуязвимости... в астральном смысле, конечно.

– Спокойствие, только спокойствие. Ты чего взъерошился, собственно?

– Таня, честно? Страшно. Помоги! – Игорь вцепился себе в бороду и сжал в кулак свободную руку.

– В каком смысле помоги?

– Я его видел пару раз с одним то ли корейцем, то ли вьетнамцем. Женя тогда меня вежливо послал – мол, извини, сугубо личный деловой разговор. И потом ничего не говорил... до самой смерти... А теперь ОТТУДА предупреждает...

– Откуда «оттуда»? Ты что, действительно думаешь, это от него? И что это вообще не привиделось тебе? – Я говорила вздор. Я видела все так же, как он. Я во многое верю, многое знаю. И самое главное – я знаю, что мир всегда сложнее самых сложных представлений о нем.

– Таня, не надо, я тебя прошу. Скажи: ты возьмешься найти и наказать убийц Евгения и заодно подстраховать меня? На сугубо деловой основе, ты не думай... Я тут на машину копил... В общем, возьми в клиенты. Если серьезно, то я боюсь... и хочу расквитаться за Женьку... Сволочь я, ставлю себя на первое место...

Ну, в таком случае я тоже сволочь. Все мы немножко сволочи. Моя «пирамида» дала явную трещину от единственного волшебного слова: «клиент». Может, поэтому никто до сих пор и замуж не зовет, несмотря на мои девяносто-шестьдесят-девяносто, собственную квартиру с евро-ремонтom, недурную физиономию, модные тряпки и таинственную кликуху Ведьма?... Вот сидит мой весьма неплохой знакомый, даже, можно сказать, приятель, а краешком ума я уже прикидываю: китайцы... наркота... валюта... экспорт девочек... круто будет... давно к айкидошникам не заглядывала, рефлексy уже подугасли... И безостановочно работал внутренний калькулятор: сколько? Сколько он даст? Сколько надо реально просить?

Всякий раз я мучаюсь с ценой. Но в итоге кушаю клиента большими кусками. Такой вот я слезливый крокодильчик...

Но сначала предстоит решить принципиальный вопрос: соглашаться ли вообще?

Посоветуемся? Вот они, косточки, на столе полеживают.

Я протянула руку, взяла три черных двенадцатисторонних кости, отполированных временем и моими руками, и принялась встряхивать их в сомкнутых ладонях. Игорь привык к подобным манипуляциям и потому молчал.

Привычное движение – и вот оно, решение, на столе раскидано. Итак, читаем:

36, 9, 21.

«Жизнь – это чудесный факел, который необходимо заставить пылать как можно ярче, прежде чем передать грядущим поколениям».

Это я вспоминаю каждый раз без труда, не глядя в талмуд, – магия, братцы, она и не такое может. Ясно: судьба бросает вызов, но принять его необходимо. Только вот что там насчет продолжения рода, а? Впрочем, с этим успеется. В главном определились. Но скидок на знакомство не будет.

Я подняла голову, посмотрела Игорю прямо в его зелено-серые глаза и сказала:

– Четыре.

– Ты прости, я не очень в твоих расценках силен. Четыре чего?

А вот тут он уже хитрит. Ну и правильно, я цену слегка поддула. В кругу друзей кой-чем не щелкай. Все он знает: и о некоторых моих последних делах, и о вытягивавших-

ся лицах всех этих «подкрученных», когда я называла суммы. Слава Богу, на рекламу тратиться не приходится. Нет у нас в городишке второго такого частного детектива со знанием астрологии, некоторых методик императивного внушения, а также эмпатии и прочего сверхчувственного восприятия и прочая... Добавьте сюда еще немножко восточных единоборств и сексапильности – не будем скромничать... Все это чего-то стоит, верно ведь?!

– Четыре штуки.

– Баксов?

– Ну не фикусов же.

– А меньше – никак?

– Сейчас подумаю... Чаю еще налить?

– Если нетрудно.

И тут я немного погрешила против «чистого искусства»: забирая у Игоря чашку, второй рукой почти коснулась его левой ладони. Нет, я не увидела при этом содержимого его карманов – подобные вещи удаются не всегда и не со всяким, в любом случае требуют времени и специальной подготовки, да к тому же еще и не слишком приятно порой копаться в обрывках чужих мыслей. Но когда подносишь свою ладонь к ладони другого, то – при определенном навыке, который, к счастью, у меня имеется, – сразу чувствуешь «тепло» и «холод» его биополя, плотность поля, а заодно еще некоторые свойства, которым трудно дать название. Все эти ощущения довольно хорошо запоминаются, и чуть позже их можно не

спеша проанализировать, что я и сделала, налив нам еще по чашке.

Я почувствовала у него как бы два уровня тревоги. Первый, конечно, – боязнь за себя, а вот второй – боязнь «материальной недостатчи», как я это мысленно именую: человек именно так беспокоится, когда ему может не хватить времени, сил... или денег. Что мы, видимо, и имеем в данном случае.

Не врет Игорь. Можно сбавлять с чистой совестью.

– А сколько потянешь?

– Три.

– Ладно, годится.

У него сразу же опустились до того сведенные к шее плечи – я давно эту судорогу заметила. Что ж, еще один довод в пользу моей правоты.

– Теперь так. Штуку завтра, две – когда мы повергнем твоих врагов. Возражения есть, дружище?

Он медленно и скорбно помотал симпатичной головой.

– Не грусти, все еще впереди!

– Да-а... разденься и жди...

Я усмехнулась:

– Давай-ка подробнее. Ты знаешь, как найти того желтенького?

– Если бы. Я бы сразу сказал.

– Ладно. А где ты его видел? У Женьки дома?

– Нет, на улице встретил. Они вроде бы прогуливались,

тот все говорил и улыбался так слегка, а Женя спокойно и внимательно слушал – я им навстречу шел, рассмотреть успел. А вот Женька меня увидел, только когда я с ними поравнялся.

– Где и когда это было?

– На набережной, где-то в конце декабря. Я купаться шел.

Меня невольно пробрала дрожь. Игорь – «морж». А еще штанги тягает три раза в неделю... лучше б на руках носил кого посимпатичней! Есть в нем некоторая оригинальность, чего уж там.

Видимо, поэтому его, такого вот оригинального, и предрекают из космоса о кознях каких-то азиатов.

– Ну, если рассмотрел – опиши.

– Да черт его знает, как тут опишешь. Я же не учился в вашем художественном. Лет сорок – сорок пять. Ростом пониже меня и вроде бы пошире, хотя он в объемной куртке был. Смугловатый. Глаза, естественно, не по шесть копеек, а в шелку. Виски седые – из-под шапки видно было. Улыбался все время, но едва заметно. И улыбка у него интересная была: не ехидная, а словно он уже все в этой жизни постиг. Встречу – узнаю.

Он замолчал. Эхма... Давай, Танюха, выводи кавалерию.

– А что, может, и стоило тебе пойти в художественное. Описал неплохо. Но надо, чтобы его смогла узнать и я. Пойдем-ка в гостиную.

Мы поднялись и перекочевали в смежную комнату.

Диван мой для того, что я задумала, очень удобен: без подлокотников. И стоит удачно – можно пристроиться с торца.

– Приляг, бедолага, на спину. Я тебя немножко поглажу.

– В мозги полезешь?

– Не бойся, я знаю, что и где искать. И профессиональную тайну чту, и этику. Твой интим может спать спокойно.

– Мой интим кончился прошлым летом...

– Тем лучше. А теперь закрой глаза и не болтай.

Игорь повиновался, а я уселась на пятки у него за головой и стала «разогреть» руки.

Контактная телепатия позволяет глубже и точнее проникать в память, но для ярких воспоминаний – по моим субъективным ощущениям – приятней пользоваться «близкодействием» (на расстоянии метра в два я, честно говоря, могу только чувствовать общий настрой человека). Не касаясь головы, можно, ведя рукой, как с высоты птичьего полета, разглядеть внутренние «горы», «долины» и «ущелья». И сразу видишь то, о чем человек помнит постоянно. Только вот мне надо подробностей побольше, да еще вытянуть происходившее много дней назад. Хорошо еще, Игорь не каждый день встречал монголоидов с седыми висками и буддийской улыбкой, и воспоминания будут «неархивированными», а то бы тяжело мне пришлось... и ему тоже. А клиента надо беречь. Да еще такого взъерошенного...

Я на самом деле пригладила Игоревы завитушки на висках и положила ладони ему на щеки. Большие пальцы – на

лоб. Виски – под серединой ладоней. Так, дышим синхронно с ним... Ну, поехали...

Ладони онемели, потом словно исчезли вообще. Под сомкнутыми веками за клубился серый туман. Нам дальше, это бурлит его сознание – не может расслабиться, бедняга. А тут еще у него такое чувство, как при нырянии – на уши давит, я знаю. Ничего, не смертельно. Вперед!

Тут каждый экстрасенс идет по своим ориентирам – кто видит волнующуюся воду, кто песок, летящий под ветром... Сознание, подсознание и все остальное эзотерики воспринимают всяк по-своему, так же, как саму жизнь... Я вот обычно «вхожу» сквозь туман.

Выбралась. Туман кончился. Зеркальная лента уходит далеко-далеко... в бесконечность... а вокруг – вроде бы и ничего. Нет, просто я так настроилась перед «входом». Лента на самом деле глубокая – это воспоминания, это вся человеческая жизнь... Зеркальная поверхность неподвижна, мне нужно глубже... Расступись, зеркальце...

Уф-ф. Я уже «в зазеркалье». Опять приходится ориентироваться заново. От меня туда, откуда я иду, тянется сверкающая золотая нить. Я по ней буду возвращаться... А пока... Так, вот его «линия времени». Ну, теперь будет легче. Где тут недельные «вешки»? Вот они. Когда он купаться ходит? По выходным. Ищем... три первых смело пропускаем – нужная нам встреча происходила еще при жизни Евгения... Дальше... Дальше...

Вот!

Подрагивающая, немного светящаяся частичка «линии времени» – выходные. Ближе к «сегодня» – значит, в воскресенье – пульсирует тревожно-красный столбик. Не башня, есть и спать Игорю не мешает – это хорошо. Входим!

И сразу попадаем куда надо. Мгновенно становится холодно – ветер в лицо, слезу вышибает – как это Игорь так все хорошо описал? Передо мной – Женька и этот... улыбочивый. А что, если... Не будем рисковать и оставлять «следы» у Игоря в голове. Все, меня нет здесь, в этом зимнем ветреном дне. Останавливаю «второе время»... Есть!

Теперь если кто-нибудь будет шарить у него в мозгу, то следов моей «экспедиции» не заметит – я сжала «второе время» своего пребывания тут почти до абстракции. По квантам времени даже эту минуту перебирать – задача невыполнимая. Никто и пытаться не станет.

Зато я теперь могу перевести дух и рассмотреть застывшие фигуры как следует.

Так вот ты какой, бодхисаттва эдакая!

Кожа землисто-желтоватая – покуривает? Нос чуть с горбинкой. Бровей почти нет, словно выщипаны. Лицо овальное, губы тонковаты. Лба не видно – шапка. Волосы наполовину седые – опять же могу судить только по вискам, дальше – серебристая норковая ушанка. Собственные уши у него, кстати, красивые, правильной формы. Вот и все, пожалуй. Ну, теперь, если что, портрет смогу написать: «Незнакомец

в серой норке».

Назад!

Золотая нить чуть подрагивает, пружинит, мягко и почти нежно тянет обратно. Лечу над «линией времени», пронизываю «зеркало» – красиво блестит, как замерзшая речная ширь под ярким зимним солнцем, – и окунаюсь в туманную стену. Тормозим, тормозим... Нить словно расплескивается на бесконечной плоскости, я окунаюсь в теплый желтый свет...

...и оказываюсь в темноте закрытых век. С возвращением, наше величество!

Беззвучно пою: «А-А-А – О-О-О – У-М-М-М...»

Как там мое дорогое тело? Ноги слегка затекли – неужели так долго? Ну, открываем глаза... Мужик лежит смирно, успокоился. Только не отнимай резко руки! Разотрем виски, погладим ему лоб...

– Живой, что ль?

– А... ага...

– Если хочешь, полежи еще немного. Видела я твоего субчика...

Игорь не стал отлеживаться:

– Знаешь, пойду я... Спасибо тебе, ты меня так успокоила...

– Спасибо в карман не положишь... Завтра к вечеру зайди, я постараюсь чего-нибудь откопать. Заодно аванс притащишь.

– Конечно, Танечка.

Ишь, Танечка! Ой, что-то мне не нравится собственный явно чувственный отклик на его слова и вот эту улыбку... Пускай-ка идет себе...

– Ну, до завтра.

– Договорились.

На том мы и расстались.

И поступили опрометчиво.

Глава 2

КУПАНИЕ ЖЕЛТОГО КОНЯ

Я – детектив со стажем, можете не сомневаться. Страховать привыкла всегда, когда можно. Как говорится, под лежащий камень... мы всегда успеем.

И вчера я оставила своему новоиспеченному клиенту психомаячок где-то в районе гипофиза... или гипоталамуса, я их все время путаю. Мое, между прочим, изобретение. Ни в каких эзотерических школах этому не учат, сама додумалась, сама методику тренировок разработала, сама себя натаскивала до почти полного истощения дамских сил.

Психомаячок – это такой «ноосферный приемо-передатчик». Принимает предчувствия и предощущения моего клиента и с определенными интервалами передает мне. Саморегулируется. В случае близкой и серьезной опасности дает мне знать немедленно.

Сия процедура не требует от клиента почти ничего: я использую чувственную и внечувственную информацию, все равно не доходящую до сознания клиента, временно и мягко перенастроив некую мозговую структуру (не стану-ка я ее на всякий пожарный называть), которая у людей – кроме очень немногих «сенсов» – все равно дремлет всю жизнь. Самому клиенту я, как правило, ничего не сообщаю. Собственные

мои мозги, а также некоторые тонкие тела, конечно, напрягать приходится. Ну да ладно, зато спокойна, по крайней мере, за жизнь того, кто мне доверился, а уж если беспокоюсь – то не зря и заблаговременно.

Подумала я и о себе, любимой. Проводив Игоря, я уж расстаралась: подзарядилась на всю катушку, посидев часочек в «алмазной позе», и стала «расставлять часовых».

В подъезде у нас почти всегда тусуется несколько местных котов и кошек. Всех их я давно знаю и глажу при встрече. Да не просто глажу, а еще подпитываю свои «датчики» в их кошачьих... ну, скажем, душах. (Все время запинаюсь, когда приходится говорить «чайнику» о биополях и подобных специальных материях.) В итоге я могу их глазами видеть всех, кто входит в подъезд. А если в подъезде нет ни одного пушистого зверька – на этот случай имеются два пятна в стенах: на первом этаже и на моем. Я их в свое время сотворила, что-то – что именно, объяснить не сумею – сконцентрированным высокоэнергетическим воздействием изменив в слое краски. Теперь, если не забываю «включить», нижнее дает знать о входящих с оружием, а верхнее – обо всех, кто останавливается на нашей лестничной площадке.

Это – первая линия защиты, самая безотказная и почти необременительная: только не забывай «подзаводить».

Вторая линия – вокруг дома: деревья, деревянные беседки, песочница, штaketник, дощатая часть школьного забора и даже старый телеграфный столб. Все эти объекты мной

тоже обработаны. Принцип тот же, но настроены они уже только на негативные чувства по отношению ко мне. Идет, к примеру, гоблин, подосланный оскорбить меня действием, и мысленно представляет себе предстоящий процесс. У меня тут же где-то внутри «звякнет».

Хорошая штука – вторые «сторожа», но вот по энергетике это уже вполне серьезно: лишним апельсином на завтрак не отделаешься, приходится удлинять медитации... и, соответственно, укорачивать сон... а поспать я люблю...

Третья линия моих «сторожей» самая сложная и, честно скажу, не такая надежная. Это и понятно: издалека работать приходится. Третья линия проходит примерно в трехстах метрах от моего дома: соседние дома, школьный сад... Я наставила пси-меток вокруг своего дома, «провела опорную кривую», на которую ориентируюсь, время от времени – специально без строгой системы – обводя «дальним светом» свои передовые посты. Но эти посты слишком далеко, они слишком малы, поэтому основной анализ приходится проводить именно «лучом».

«Луч» высвечивает злой умысел. Засевшего в окне напротив снайпера... парня со «стингером» в парке...

Весело?... Мне тоже.

К тому же как ни отгораживай сознание от работы посылающего луч «центра тревоги» (ему приходится в этом режиме пахать круглосуточно), а все равно чувствуешь напряжение и устаешь. Тут уж медитацией не поможешь...

Так-то. А то заладят некоторые – гонорары у нее, гонорары...

Короче, я вчера потрудились на славу. Потом выпалась с запасом, потом провела прекрасную медитацию, потом как следует помолотила воздух в гостинной кулаками и ногами, а под конец даже решила на холодный душ (я не очень-то люблю подобную рахметовщину... да еще направлять на себя ледяную струю СВОЕЮ СОБСТВЕННОЙ РУКОЙ! Бр-р-р!).

Потом отправилась к подруге в контору: решила все-таки построить еще разок натальную карту клиента (да, друзья мои, гадала я на этого доброго молодца раньше, к чему лукавить!) и быстренько проглядеть эфемериды – неохота копаться в книжках, компьютер на что?!

Галка работает в риэлторской фирме. Работает она там – кто бы мог подумать! – риэлтором. А заодно заведует всеми тремя машинками, на которых остальные торговцы недвижимостью умеют работать еще меньше, чем моя подружка. Помню, с какой гордостью она вручала мне собственноручно изготовленную визитку, на которой значилось что-то вроде: «„Сапфир-С“. Галина Валерьевна Федосеева. Все виды операций с недвижимостью».

Мы с Галкой учились вместе в художественном. Подруга она что надо. В некоторых сердечных делах здорово мне помогала, а я ей помогала в некоторых делах финансовых – например, устроила ее в эту самую фирму «Сапфир-С». Те-

перь Галка при случае снабжает меня ценными сведениями о местных мафиози, контролирующих наш рынок недвижимости.

А еще на гигабайтном «винте» ее персоналки нашими стараниями разместились куча астрологических программ.

Мы пять минут потрепались о своем, о женском. Галка тоже пока не замужем, и, по-моему, это тот же вариант, как со мной: все при всем у девки, насчет перемахнуться проблем нет, а вот в жены... Между нами, Галя интереснее меня: изящная, всегда ухоженная (я частенько приношу в жертву тщательный макияж, если спешу по делу), с иголки одетая – хотя доходы у нее пока далеко не соответствующие специфике работы. Добавьте к этому колдовские карие глаза, соболиные брови, матовую смуглую кожу, правильные черты лица – и останется лишь развести руками: почему у нее на правой руке еще нет кольца?

Короче, мы с ней стараемся эту больную и уже едва трепещущую тему затрагивать только в моменты совместного распития определенных напитков – «и Рождество опять вдвоем с подружкой из США», как поет Митяев. Люблю я его. За имя люблю... Ну да ладно.

В двух словах поделившись с ближайшей подругой кое-чем из вчерашнего, я риторически спросила, есть ли возможность воспользоваться ее техникой. Красна девица разрешающе взмахнула длинными и безупречно подкрашенными ресницами.

Привычно пощелкав по клавишам, я быстренько выстроила кружок натальной карты, пробежалась по аспектам и эфемеридам.

И задумалась.

Очень интересно.

Не буду утомлять вас всякими там «дисгармонично аспектированными Юпитерами», перейду сразу к резюме.

Игорь испытывает негативное влияние с востока, которое в ближайшие дни должно усилиться. Невероятно, но факт: оттуда же, с востока, будет прибывать в те же сроки и положительное влияние. Беда в том, что эти два, скажем так, потока влияний не пересекаются: негативный неотвратим и надвигается в весьма приземленном слое, позитивный – где-то очень высоко (если соотносить со структурой тонких тел человека) и в очень большой степени недетерминирован. То есть, чтобы им воспользоваться, следует очень-очень постараться.

Дела...

Хорошо еще, в ближайшие сутки для него смертельной опасности не предвидится. Вечером он зайдет с авансом, а там видно будет.

Я перекинулась словом-другим с подругой, поблагодарила за аренду компьютера и собралась уходить.

Но где же перепроверка результатов, дорогой профессиональный частный детектив?! А?

Верно, прежде чем «бросить кости» в переносном смысле,

неплохо их бросить в прямом.

Я снова присела и, погремев в ладонях, высыпала три мешка на Галкин стол.

11, 26, 15.

«Не медлите! Действуйте! В противном случае это приведет к тому, что ваши дела останутся неисполненными».

Не успела я ахнуть, как заныл поставленный вчера психомаячок.

В таких случаях надо действовать быстро, но хладнокровоно: твоя тревога может передаться клиенту и сыграть роковую роль.

Я положила обе ладони на стол и закрыла глаза – сигнал сидевшей напротив подружке: «Работаю! Тишины мне!»

Что там?

Внезапная угроза.

Ближе.

Удар. Чей?

Резкое движение. Падает, уклоняется?

Еще удар. Еще, еще!

Держись, Игорь!

Держится. Чем это он так классно?

Все?

Нет. Бежит. Что-то в руках. Много чего-то. Еще удар, другой, третий – но уже не по живому.

Снова бежит, бежит в гору. Ступеньки?

Странно, не чувствую адреналинового «отката». Только

почему-то холод.

Вот теперь все. Он где-то в помещении. Живой, даже невредим. И собирается к себе домой, потом – ко мне.

О Небо, как же я, оказывается, испугалась!

Теперь – ему навстречу. Ничего конкретного не чувствую, кроме необходимости встретить Игоря у дверей его квартиры.

Киваю Гале и выскакиваю вон.

Так. Он поедет к себе на троллейбусе, машину ловить не станет – наверняка пожадничает. Прекрасно, тогда я тоже могу воспользоваться общественным транспортом, но уже из соображений безопасности: при таких обстоятельствах иногда ловятся совсем не те машины, которые нужны...

Едет он откуда-то с Волги, это я поняла по своему каналу связи. В таком случае езды ему – минут двадцать, мне – примерно столько же. Даже поедем мы одним маршрутом, только с разных сторон.

Забавное получается совпадение. Издалека мы друг к другу движемся. Интересно, в каком именно смысле движемся?

...Уже трясясь в «пятерке», я запоздало сообразила (и на старуху проруха бывает!), что у меня с собой нет никаких спецприспособлений для оказания... м-м-м... воздействия на вероятного противника. Делать нечего, как-никак карате – оно и есть «пустая рука»...

Общественный транспорт в нашем городе, как, наверное, и в других средних и больших местах обитания человека

на необъятных просторах нашего разлюбозного Отечества, – тема для многих и многих диссертаций, монографий и просто многотомных романов и телесериалов. Удивляться не приходится. Ничто не сплавивает так тесно различные слои и прослойки населения, нигде не ощущаешь столь близкое дыхание масс, особенно в часы пик.

Но сейчас было просторно, и я даже ухитрилась сесть. Надо воспользоваться передышкой и настроиться на предстоящее взаимодействие с суровой действительностью – восточного, видимо, толка: кости правду говорят!

Итак, сосредоточились... Настраиваемся...

Вышла я из троллейбуса такая настроенная, что аж противно. Однако прав, прав был умнейший Михайло Васильевич: тут найдешь, там потеряешь (не ручаюсь за точность цитаты).

Увлечшись настройкой, я пошла к нужному дому не спеша и лишь у подъезда поняла, что уже почти опоздала.

Я взялась за дверную ручку, и меня ОБДАЛО.

Опасность.

Он и еще трое...

Ему не дают открыть дверь.

Я набросила капюшон плаща и «втянула» биополе. В таком состоянии меня если и заметят, то примут за школьницу седьмого примерно класса, несмотря на рост.

Вверх, на третий. Без лифта. Не спешить!

Вот они. Разыгрывают пьяную компанию. Игорь уже вы-

ключен. Ладно, по крайней мере, меня не выдаст.

Двое якобы подданных приятелей держат свесившего голову и как бы совсем «обугленного» третьего – моего глупого бородача. Под ногами у Игоря серая драная сумка с какими-то торчащими трубками. Третий тоже старательно туманит взор и как бы пьяно лыбится.

Если бы я не знала кое-чего, то приняла бы их за корейцев. Но это не корейцы. О черт, они же все небось таэквондо занимаются...

Значит – только внезапность и вон те подручные средства.

Прохожу мимо, поворачиваюсь к третьему полубоком, ставлю левую ногу на первую ступеньку следующего пролета и начинаю поправлять брюки, предоставив ближнему возможность полюбоваться моей филейной частью, а заодно – перейти из состояния «это что еще за девка?» в состояние «а задница-то у нее ничего!» – с соответствующей потерей бдительности.

Этот ближний у них за старшего. Чуть вздыхает – нельзя подавать дурной пример подчиненным, работа есть работа – и едва заметно кивает тем двоим: пошли, мол.

И отворачивается.

Большая ошибка, как говаривал кумир юных домохозяек Арнольд Шварценеггер.

Моя левая нога разворачивается в опорную позицию, а руки нежно, совсем как вчера Игоря, берут «начальника опергруппы» за голову.

И резко поворачивают ее влево.

Хруст.

Перелом где-то на уровне четвертого-пятого шейного. Готов, и боюсь, что навеки.

Так, теперь двое других. Молодцы, уже среагировали, и трех секунд не прошло, как они развернулись, бросили Игоря и превратились из пьяных зайцев в трезвых и безжалостных шакалов.

Ну-у, ребята... Кто же так делает в ограниченном пространстве? Чего же вы в карманы-то полезли? Не нужны теперь вам ваши пушки, или что там у вас.

А вот у меня в правой руке уже стальной совок из Игоревой сумки. Зря вы, парни, сумочку-то бросили... да и хозяйина обидели зря... Придется вас наказать.

Раскрываю левый кулак и швыряю сгусток энергии одному в глаза. Он слепнет от невыносимого света, потом глохнет и тут же валится, потеряв сознание. Кома. Если крепкий – может, и выживет...

Второму такого интеллигентного обращения не полагается, звезды для него сегодня расположились неблагоприятно. Совок моего клиента грубо ломает недавнему «пьянице» хрящи гортани, и он покидает этот мир, даже не успев вскрикнуть.

Вот и хорошо, что тихие ребята попались.

Игорь лежит на площадке между этажами лицом вниз, но явно дышит, и вообще скоро я его подлечу. А вот что там у

них в карманах, у наших шакалов?

В карманах у двоих подчиненных – нунчаки и кастет. У главного – ствол.

Жалкая, ничтожная мафия, скарредная до алчности. Не могли уж всем по «люгеру» выдать. Теперь пеняйте на себя. Ну еще, может быть, на Татьяну Владиславовну Иванову с нунчаками? Ха!

Подхожу к моему доброму молодцу, переворачиваю на спину и спешно давлю на «аналептические» точки: надо быстрее привести его в чувство и уходить. Свидетели нам пока не нужны.

Он открывает глаза, морщится:

– Рука болит... и спина.

Вот змееныш, даже не поблагодарил! Ладно-ладно, я ему припомню...

– Давай-давай, поднимайся. Цигель-цигель, ай-лю-лю!

– Домой, на секунду...

– Живей!

Поднимаю его, волоку к двери, беру его ключи, открываю. Игорь уже очухался, бежит в спальню, что-то хватает. Я забрасываю его сумку в коридор, поднимаю его совок и мельком удивляюсь: откуда на нем кровь? Я била точно, а то бы фонтан хлестанул. Ладно, потом выясним.

Подкатился Игорь, на ходу засовывая что-то в карманы, мы заперли его дверь и рванули прочь.

Поверженная троица лежала там, где я их положила.

Некрасиво они лежали. Плохо лежали мои желтенькие.
Не все то золото... что плохо лежит.

* * *

...У меня дома я подлечила клиента джином с тоником, а он в благодарность выдал мне обещанный аванс (вот он зачем в квартиру-то забегал! ну, силен!) и рассказал о своем приключении.

Как я уже говорила, он у меня «морж» (смотри-ка – «он у меня»... Ой, Танечка, не нравишься ты мне... Ладно, будем считать, что он у меня... клиент). И сегодня поехал «макнуться» в проруби.

Сейчас оттепель, но Игорь все равно взял с собой совок для чистки своей полыньи от мелкого ледка, который, как он утверждает, оставляет долго не заживающие порезы.

На набережной было ветрено, пасмурно и потому пустынно. Спуск к воде, которым пользуется один из двух подвигов местных морских млекопитающих, располагается рядом с ночным клубом «Ротонда». Днем, сами понимаете, народу в ночном клубе не слишком много. А сегодня на «клубном пятачке» и вовсе не наблюдалось ни одного автомобиля.

Игорь скатился с обледенелых ступенек, с удовлетворением отметил, что сегодня совок для расчистки льда не понадобится, и вскоре уже вылезал из воды.

На берегу его ждали:

– Пойдем-ка, парень, погреемся.

– Спасибо, я не замерз.

– А ты все-таки погрейся, милый. – И один из желтокожих узкоглазых доброхотов (вы уже догадались об этих видовых особенностях наших с моим клиентом зачатых друзей, верно?) попытался схватить нашего «моржа» за руку.

Плохо братья за дело, не зная специфики предмета. Иногда – просто смерти подобно.

Из зимней воды человек вылезает холодный и мокрый. А значит – скользкий! Так что захвата не получилось. Игорь вырвался, врезал по разу обоим «обогревателям», метнулся к своему совку – сообразил, молодец! – и прыгнул на лед. Сладкая парочка последовала за нашим бородачом в его стихию.

И опять юго-восточных людей подвело слабое знание российской специфики.

Лед тоже скользкий. А они скакнули за своей потенциальной жертвой, как горячие («обогреватели» как-никак!) восточные жеребцы. Кони такие желтенькие, в пальто...

По этой причине слаженного нападения у них не вышло. Первый, с трудом удерживая равновесие, нанес было удар рукой, но Игорь по наитию что есть силы взмахнул своим оружием и попал противнику куда-то в голову.

«Обогреватель» номер один крайне неудачно соприкоснулся с очень жесткой поверхностью и с шумом скатился в воду.

Второй и вовсе решил махать ногами, стоя на льду. Глупышка. Он упал почти что сам, но Игорь уже озверел и ударил его по шее вполне осознанно.

Второй «обогреватель» бесшумно ушел под воду.

Не рискуя одеваться у проруби, Игорь помчался вверх как был – в одних плавках. Правильно – а вдруг рядом жаждет показать мастерство избиения себе подобных еще кто-то? Лучше синица в руке... чем утка под кроватью.

Рядом с «Ротондой» стояло что-то импортное на колесах – с открытой дверью и незаглушенным мотором. Видимо, полномочные представители уж не знаю кого не хотели выключать печку даже на минутку. Правильно, если ты желаешь обогреть кого-то, сначала, будь добр, согрейся сам.

Погрейтесь, ребята...

Игорь слегка притормозил, первым ударом совка распахнул дверцу пошире, а двумя другими выключил-таки мотор заодно с печкой. Логично, вдруг еще кого-то решат обогреть? Да и бензин нынче дорог...

...Он оделся в подъезде ближайшего дома и побежал на остановку.

Остальное мы знаем.

* * *

– Может, кофе?

– Давай. С молоком? – с надеждой в голосе и блеском в

глазах (это от джина и собственного рассказа о подвигах) спросил Игорь.

– С молоком так с молоком, – смилостивилась я. – Сладкая стена.

– А в черном чего-то не хватает, – вывернулся он и шмыгнул носом.

– Простыл? А еще «морж»...

– Да, тебе бы побегать гольшом столько!

– Неужели гольшом? И как это тебя тамошние аборигенки на сувениры не разорвали?!

– Какие там аборигенки! Ни души не было на этом ветрище...

Подправить ему лакуны в наружной биополевой оболочке все-таки пришлось – в проекции глотки и правого плеча: руками он махал на совесть.

Ужинали мы уже затемно.

– Таня, – он вдруг опять съежился и свел плечи, – а можно я у тебя переночую? Страшно...

Что тут скажешь. Клиент прав, домой ему, пожалуй, не стоит...

Иными словами, на сей раз мы не расстались.

И поступили очень благоразумно.

Глава 3

БОГИ И ТИТАНЫ

Вчера вечером, после кофе – странно: почему не после джина? – мой отважный клиент окончательно успокоился, заручившись разрешением остаться ночевать у меня в спальне (сама я собралась почивать в обнимку со своим четвероногим другом – ну да вы знаете). И даже притопал, когда я погасила свет.

Спокойной ночи пожелать, да?

Надо было ему сказать «брысь», но вот кости... Когда я, перед тем как лечь, снова раскинула своих подружек на тумбочке, выпало: 7, 35, 23.

«Молодым: сильные, благородные желания».

В общем, я ему сказала «кысь-кысь». Но только из-за предписания чисел! А я – что я? Я не против... Период безопасный, мужиков у меня не было ой-ой уже сколько, в квартире холодно, да еще джин... Одно к одному.

Впрочем, что это я оправдываюсь? Ничего плохого мы не сделали. Мы взрослые свободные люди, объединенные не только абстрактной симпатией, но и – что гораздо важнее – общим делом. Как ни крути, общие враги сближают... особенно поверженные.

Мне давно хотелось почувствовать его руки у себя на пле-

чах. И на других частях тела. Я давно видела сны с Игорем в главной роли. Много раз в темноте одинокого ложа я мечтала о наших поцелуях и даже подбирала позы для любви...

Но сегодня мы просто долго-долго и медленно-медленно ласкали друг друга. А потом так же неторопливо двигались навстречу друг другу. И даже потом, когда мы с ним оба вскрикнули от наслаждения, он не стал выходить из меня...

Мы уснули спокойными и... счастливыми.

Но сон я видела в ту ночь совсем не счастливый.

Ах, моя профессиональная память! Я помню этот сон весь, до последнего кадра. Мой сон не был похож ни на что из виденного мною раньше – а уж я в какие только дали не залетала!

Собственно, его и сном не назовешь. Я как будто лежала с закрытыми глазами, и в уши мне вливался добрый и печальный мужской голос. Он рассказывал, а я слушала его во сне и будто бы во сне представляла то, о чем он говорил...

«...Шли месяцы, и я виделся с нею всякий раз, как только выдавался случай, но конец моего пребывания на Алом Праге все приближался.

Она догадывалась о моих думах, потому что как-то раз спросила: «Отчего ты так печален? Тебя что-то тревожит. Расскажи мне. Ноша, разделенная с другом, вполнину легче прежней». Я сказал ей, что она, возможно, уже разделяет эту ношу. Тогда она взяла колоду карт. «Пусть расскажут они». Потом выложила из них две фигуры. Ее лицо будто заволоч-

лось тучами и стало напряженным, когда она увидела, что лица на всех этих картах повернуты в разные стороны друг от друга. Я сказал, что карты могут поведать нам лишь то, что мы уже знаем. Ее большие карие глаза увлажнились, и она спросила: «Когда?» Как только я ответил, она прижала кончики пальцев к моим губам и сказала: «Не говори больше ничего. До тех пор, пока ты не уйдешь, мы будем только улыбаться. Хорошие воспоминания во время печали – как пища для голодного».

...Когда наконец мне нужно было уходить, Олененок прошла со мной до городских ворот. Я пошел вдоль ограды из колючей проволоки, окружавшей город. Олененок шла рядом со мной, но теперь нас разделяла колючая проволока. Наконец мы остановились и посмотрели друг на друга. Она просунула руку сквозь колючую проволоку, и я взял ее руку в свою... какая маленькая у нее была рука... с длинными пальцами, прекрасная, нежная...

Я отпустил ее руку и сказал ей, что никогда ее не забуду. Я сделал несколько шагов, и она тихо выдохнула: «Я тебя очень люблю». Я оглянулся, и она прикусила губу, а ее глаза стали мокрыми. Она глубоко вздохнула, попыталась улыбнуться и проронила: «До свиданья».

Я сказал: «До свиданья, Олененок, до свиданья» – и пошел дальше. Каждый раз, оглядываясь, я видел ее стоящей за оградой из колючей проволоки и смотревшей мне вслед. Наконец расстояние и слезы в моих глазах взяли верх, и я

больше не видел Олененка».

Я тоже плакала во сне.

* * *

Мы проснулись почти одновременно и почти вовремя. Но я все-таки успела, пока Игорь еще спал, умыться и приче- саться.

Как в Индии: женщина встает ранешенько, умывается бе- лешенько и будит мужика песней.

Вот уж песню – фиг вам! Тем более он уже проснулся:

– Доброе утро, Таня.

– Доброе, доброе. Ты зарядку делать будешь?

– Конечно... Но сначала...

– Да не красней ты. Дуй по своим делам, только потом мне не мешай, занимайся вот тут, а я – у окна.

И мы молча делали каждый свой утренний комплекс. Я медитирую, затем – ушу, дыхательные упражнения и снова медитация.

А он делал что-то из йоги – очень красивый динамический ряд асан. Я узнала только «кобру» и «полуберезку».

Мы опять, как несколько часов назад, кончили одновре- менно... Он потопал под свой ледяной душ, а я – вот она, долюшка женская! – на кухню.

Когда он вышел во всем промокшем, чайник уже закипал.

– Ты что же, и после проруби не вытираешься?

– Уже лет шесть... Если б вытирался, не вырвался бы вчера.

– Дальновидный ты парень!

– Угу. Дальнозоркий!

За завтраком мы решили все-таки отправиться к нему домой и проверить, не шарили ли у него сегодня ночью. Мои «сторожа», кстати, всю ночь молчали.

Когда мы выходили из подъезда, я все время чувствовала в нашей паре этакую семейственность. К черту! Работать надо. Делу время... постели час.

Со вчерашнего дня подморозило, и мы бы оказались в положении давешних «обогревателей», если бы не сцепившийся с землей жесткий снежок. Деревья, превратившиеся в театральные декорации, и всю неестественную чистоту города под свежим снегом я описывать не буду. Вот если бы сейчас взять финский картон и хотя бы черную шариковую ручку...

Эк тебя растащило, Танюха. Дайте в руки мне гармонь... А чего другого не хочешь?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.